Девчонки, я приехал!

Автор:
Татьяна Устинова

Девчонки, я приехал!

Татьяна Витальевна Устинова

Татьяна Устинова: Богиня прайм-тайма

После внезапной трагической смерти отца юная Надинька осталась круглой сиротой. Она потеряла еще и дом, в котором жила всю жизнь. Теперь у нее есть только верная няня Агаша и любимый Сереженька.

Сереженька, Сергей Ильич, так поглощен особо важным проектом: он занят на строительстве первого в мире атомного ледокола «Ленин», что так редко звонит из Ленинграда. И бедная няня Агаша толком не верит в существование жениха, потому что никогда его не видела.

А тут еще к объективным трудностям жизни молодых людей добавляются проблемы, созданные недоброжелателями: талантливого инженера Сергея с его новаторскими идеями объявляют вредителем.

Кому и зачем нужна эта травля? И будут ли молодые вместе?

Татьяна Витальевна Устинова

Девчонки, я приехал!

© Устинова Т.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2021

Вместо лишних слов…

Он был необыкновенный красавец – вот просто удивительно!.. Инженер, человек исключительно состоятельный – у него имелось целых два пальто, зимнее и демисезонное. На химическом заводе в Сталиногорске он служил начальником цеха, а она в этом же цехе лаборанткой. Она – лукавая, кудрявая, на щеках ямочки – училась в техникуме и была очень строга, никаких кавалеров! Работа, служение, «прежде думай о Родине, а потом о себе»!

Собственно, они так и жили – сейчас почти невозможно себе представить эту их жизнь! С комсомольскими собраниями, сверхурочной работой в пользу голодающих, Рот-Фронтом, теснотой коммунальных квартир – и железной убеждённостью, что они живут прекрасно и в самой лучшей в мире стране!

Они – мои дед и бабушка.

Мне страшно хотелось придумать – именно придумать! – и написать историю не то чтобы о них, я не умею писать документальных романов, а о том, как жили люди, которым на самом деле было важно могущество и процветание державы, которым интересно было учиться, которые старались изо всех сил – ради общего блага.

«Общее благо» – какие давно забытые и странные слова, правда? Каждый за себя – такое и в голову никому не могло прийти… тогда.

А ещё мне очень нравятся корабли. Вся история цивилизации – это история кораблестроения. Только научившись их строить, человечество сумело… оглядеться по сторонам, познакомиться с соседями, узнать, какие книги читают в Александрии, а какие в Афинах!..

Эта книжка – про любовь, корабли, шпионов, про энтузиазм, доброту, радость жизни.

Она про всех тех, кто живёт, думая не только о себе и о том, как бы потеплее устроиться.

Она о том, что мир огромен и прекрасен и в нём есть любовь.

Я очень рада, что её написала.

Татьяна Устинова

Девчонки, я приехал!

Осень 1956 года, Москва

– Грехи наши тяжкие, что ж теперь будет, что будет?..

– Что ты там бормочешь, Агаша?

Агаша поправила на голове платок.

– Так, сама с собой я… Ну что, поглядели?..

Полная дама с мальчишкой на буксире ещё раз пощупала мануфактуру.

– Да чего там, – с сердцем сказала Агаша. – Совсем новый костюм-то, Пал Егорыч его за неделю до смерти получил! Дочка заставила… Если б не Надинька… – Глаза у женщины налились слезами, но она сдержала себя.

Полная дама кивала сочувственно, потом вытянула из кармана носовой платочек и приложила к сухим глазам.

– Как же вы теперь будете, Агаша? Надинька круглой сиротой осталась, мать у неё в каком году померла? В сорок четвёртом?

Агаша вздохнула.

Соседка вовсе и не собирается брать костюм. Остановилась просто так, поговорить, выведать что-нибудь. Соседки, они такие, им бы только поразнюхать, а ещё месяца нет, как Павла Егоровича схоронили!

Видно, в Москву придётся ехать, там костюм продавать. Здесь, на станции, толкучка маленькая, совсем пятачок, а костюм дорогой, бостоновый. Агаша уж третий раз к московскому поезду выносит, а ни с места: в тот раз доктор Рогов остановился, тоже всё щупал, потом ферт какой-то приценивался, вовсе не знакомый, как пить дать писатель, что у самого перелеска живёт, нового секретаря взял!

Сегодня вот соседка остановилась. Да ещё, как на грех, Агаша забыла, как её звать-величать! Мальчонка вроде Вилен – стало быть, «Владимир Ильич Ленин», – в посёлке Вовкой кличут, а сама?..

…Продать бы костюм. У Надиньки боты совсем развалились, в туфельках по лужам бегает, да и тем скоро конец, они уже латаны. А деньги, что от Павла Егоровича остались, почти все вышли. Агаша девочке про деньги ни слова не говорила, конечно. Той тоже взять негде!

…Как жить? Вот как?

Осень 1956 года, Ленинград

– Товарищи! Дорогие товарищи! – Директор завода перевёл дух, в горле совсем пересохло.

Далеко внизу, перед трибуной, наспех собранной на платформе стапельного крана, колыхалось, шумело, едва удерживаясь в берегах, чёрное людское море.

Митинг организовали в честь постройки атомного ледокола «Ленин», который был заложен 17 июля 1956 года на Южном стапеле Адмиралтейского завода в Ленинграде.

Постройка ледокола с атомной установкой – на тот момент вещь неслыханная, почти невозможная. Необходимо было придумать совершенно новую технологию и организовать работы, начиная с нуля.

– Наша родная партия, наше советское правительство во главе с товарищем Хрущёвым ждут, что мы оправдаем оказанное нам доверие, не посрамим честь адмиралтейцев, всего завода! Двадцатый съезд, как вы знаете, нацелил советскую науку на проектирование атомных силовых установок для самого большого атомного ледокола в мире! И мы гордимся, что создание ледокола поручено именно нам, Адмиралтейскому заводу! Не посрамим, товарищи! Оправдаем!..

Людское море у подножия крана всколыхнулось, загудело взволнованно, вверх полетели кепки и картузы, раздалось могучее «ууурааа!», словно ветром принесённое из моря.

Парторг ЦК кивал и улыбался. Директор во время своей речи краем глаза то и дело посматривал на него – одобряет или нет.

Руководил проектом создания ледокола физик-ядерщик академик Александров, инициатором создания судовой ядерной установки стал Игорь Курчатов. Под руководством Александрова и Курчатова молодые учёные выполнили расчёты атомного реактора. Генеральным проектировщиком атомохода было назначено ЦКБ «Айсберг», главным конструктором стал Василий Неганов.

– Сейчас, товарищи, слово предоставляется бригадиру судосборщиков товарищу Андрееву Тимофею! Поприветствуем!..

– Полярный гигант, – заговорил Андреев Тимофей, комкая в руках кепку, – который мы будем создавать вот этими самыми руками, товарищи, не только покорит арктические льды, но и станет флагманом всех флотов на земле! Наша

бригада уже сейчас, товарищи, готова взять на себя повышенные обязательства и пообещать руководителям партии и правительства, лично товарищу Хрущёву работать по-новому, по-коммунистически!..

– Погодил бы ты, Тимоха, с обязательствами, да ещё повышенными, – пробурчал в спину Андрееву старый мастер дядя Коля Логунов. Он стоял на трибуне позади всех. – Ить позору не оберёсся! До сих пор не объявили, как разметчики работать будут, на каком стапеле собирать станем!

Парторг ЦК оглянулся и поискал взглядом говорившего. Директор завода тоже оглянулся и незаметно погрозил дяде Коле кулаком.

Тот продолжал как ни в чём не бывало:

– А чего ты тут мне сигнализируешь? Как такую махину на плазе разбивать? Иде мы такой плаз возьмём! Обязательства, да ешшо повышенные! – передразнил он.

– Ти-ха! – не выдержал директор.

– Могу и помолчать, – не унимался дядя Коля. – А тока от митинга ентого ничё не изменится. Новый плаз сам собой не построится! Да у нас в заводе и площадей эдаких нету!..

Газорезчик Макаров дёрнул дядю Колю за полу тужурки. Тот махнул рукой с досадой.

Митинг подходил к концу, внизу, в людском море, уже затянули: «Вставай, проклятьем заклеймённый, весь мир голодных и рабов!..»

Борис Смирнов, молодой, только что окончивший курс инженер, спрыгнул с бетонного блока, пошёл было в сторону заводоуправления, но сообразил, что, возможно, там никого и нет в этот час, и спросил у кого-то из судосборщиков, не видал ли тот Сергея Ильича.

– Да он вроде в КБ. – Судосборщик сунул в зубы папиросу, вытянул из кармана коробок и стал отчаянно чиркать. Спички шипели, дымили и никак не

зажигались. Инженер поднёс судосборщику зажигалку. Со всех сторон их толкали расходившиеся по рабочим местам люди.

– Как?! А митинг?

– На митинге и без него обошлись, а вот в КБ не обойдутся! Бывай здоров! – И судосборщик резко свернул в сторону своего участка.

Постройка атомного ледокола требовала изготовления уникального энергетического оборудования, создания корпуса небывалой до сих пор прочности, полной автоматизации управления энергетической системой.

Множество сложных технических вопросов предстояло решать совместно учёным, инженерам, техникам и рабочим в предельно сжатые сроки.

Борис побежал в сторону КБ.

Старое здание заводской конторы, переименованное в конструкторское бюро, как только стало ясно, что на Адмиралтейском заводе будут собирать атомоход – вот дела, вот сила! – фасадом выходило на пустырь, за которым начинался плаз, а торцом на залив. Окна в новоиспечённом КБ были узкие, с частым переплётом и закопчённые до невозможности. Конструкторы всё время жаловались, что невозможно чертить – темно.

В институте Борису казалось, что КБ – это нечто просторное, светлое, залитое миллионом огней, непременно из стекла и бетона, и обязательно странной, особой формы, например, круглое или треугольное. Ну не может дореволюционный двухэтажный дом красного кирпича с чугунной лестницей именоваться гордым и современным названием «конструкторское бюро»! И тем не менее именовался.

Борис потянул на себя тяжёлую деревянную дверь, немного постоял, чтобы глаза привыкли к полумраку, и, громко топая, ринулся на второй этаж. Чугунная

лестница гудела.

Сергей Ильич и вправду оказался на рабочем месте. Он что-то быстро писал на обратной стороне «синьки».

«Синькой» называлась шершавая неровная голубого цвета бумага, на которую специальный аппарат копировал чертежи. Белой бумаги было не достать, инженеры и конструкторы писали на отработанных «синьках».

– Сергей Ильич, – с ходу начал Борис, пробираясь между столами и кульманами, – вы что, на митинге не были?! Вот зря вы, Сергей Ильич! Там так говорили! Так народ зажёгся! И про то, что мы первые в мире будем и что Арктика теперь наша! И что предстоит ударная работа по всем фронтам!

Сергей Ильич кивал, но от своих записей не отрывался.

Борис даже рассердился немного.

– И про Антарктиду говорили, – продолжал он упрямо. – И про Двадцатый съезд партии.

Сергей Ильич принялся энергично стирать ластиком написанное. Была у него такая привычка – писать карандашом, а потом стирать, чтоб бумагу экономить. От движения очки прыгали у него на носу.

– Посчитай мне ударную вязкость вот этой штуковины, – сказал он, перестав стирать, – только быстро.

Борис подошёл и посмотрел в бумаги.

– А что это за штуковина? – спросил он, рассматривая чертёж.

Сергей Ильич поправил съехавшие на кончик носа очки.

– Ты втуз когда закончил?

– В прошлом году.

– У тебя диплом инженера?

– Да!

– Тогда посчитай и не задавай глупых вопросов.

Борис, продолжая рассматривать чертёж, поволок его к своему столу. Все работники сидели в одном помещении, хотя Сергею Ильичу как начальнику был положен отдельный кабинет. Но его «отдельный кабинет» находился почему-то в заводоуправлении, а КБ работало здесь, и Сергей Ильич на своё начальственное место даже не наведывался, сидел «с народом».

Некоторе время они работали молча.

Стали подходить после митинга инженеры и конструкторы.

Чугунная лестница гудела, раздавались весёлые голоса, кто-то из девиц, кажется, что-то даже пропел, но в дверях все замолкали, переглядывались и расходились по своим местам. Сергей Ильич не любил шума, и все об этом знали.

После митинга работать не хотелось, хотя там призывали именно к ударному труду, вот ведь загвоздка!.. Хотелось громко говорить, петь, танцевать и гордиться собой и своей страной – какие вершины берём, хотя после войны всего десятилетка минула!

…Даёшь Арктику и Антарктику!..

Даёшь навигацию круглый год!..

Долой толщу тяжёлых льдов!..

Долой все преграды на пути к коммунизму!..

Но боялись Сергея Ильича.

Тот всё писал, черкал, стирал, потом поднял на лоб очки, потёр глаза, закурил и покрутил ручку телефонного аппарата.

– Дайте механический! Механический, алё! Макарова к аппарату позовите!

Пока звали Макарова, Сергей Ильич досмолил, смял в пепельнице окурок и обвёл глазами свою молодёжь.

– Ну что, товарищи? – спросил зычно. – Хорошее настроение после митинга?

Все зашумели, задвигались, засмеялись и заговорили, из чего можно было сделать вывод, что настроение хоть куда.

– Вот и отлично. С боевым настроением и работа веселей пойдёт! – И в трубку, громко: – Макаров, здорово! Можешь ко мне в КБ подойти? Я тут одну штуковину придумал, мне твой совет нужен.

Сергей Ильич любил «советоваться» с рабочим классом, молодым инженерам и конструкторам это очень нравилось в нём. А рабочие всё больше посмеивались.

– Борис, сделал?

– Да чего-то затёрло меня, Сергей Ильич.

Начальник выбрался из-за стола. Был он высок, широкоплеч, подтянут, про него говорили, что штангист, рекордов не ставил только по болезни глаз. Комсомолки были от него без ума, хоть он и в очках, и вообще начальство!..

– Ну, показывай, где затёрло!..

В мгновение ока Сергей Ильич перечеркнул расчёты Бориса, внизу страницы нацарапал свои, обвёл в кружок формулу, укорил беззлобно:

– То-то, брат!

И повернулся к вошедшему газорезчику Макарову:

– Подгребай к нам, Алексей. Бери стул, садись вот рядом с этим типом!

Сергей Ильич дал Борису лёгонький подзатыльник, это уже было обидно!

Начальник закурил новую папиросу, помахал пятернёй, разгоняя дым, и заговорил другим, деловым, жёстким тоном:

– Вот что мне от вас нужно, любезные други. Кто-нибудь пробовал обрабатывать нержавейку? Вот механически обрабатывать?

– Хлопот не оберёшься, – подумав, сказал Макаров и тоже закурил.

– Вот именно. А от нас сейчас потребуется… – начальник КБ поискал слово, – скорость.

– Это уж точно, – усмехнувшись, согласился Макаров. – Гнать будем во все лопатки. Такое дело!.. Все начальники погонять станут, только держись!

– Я вот тут набросал схему. – Сергей Ильич протиснулся мимо Макарова и взял со своего стола «синьку». – Поглядите.

– Это чего ж такое? – с любопытством, как ребёнок, которому показали яркую картинку, спросил Макаров.

– Резак, – Сергей Ильич повернул «синьку» другой стороной. – Не заводской, обычный, а немного другой. Видите?

– Реза-ак? – протянул Макаров с недоверием. Борис так ничего и не понимал.

– Газофлюсовый резак, – кивнул Сергей Ильич. – Для нержавейки. Значит, Боря, ты схему доводишь до ума. Вот Алексей тебе в помощь, он этих резаков в своей жизни несчитано перевидал! Чтоб к концу недели чертёж готового инструмента был у меня на столе. Это ясно?

Макаров молчал, курил – он начальнику КБ не подчинялся. Боря Смирнов промычал невнятное.

– Вот и хорошо, – похвалил Сергей Ильич. – Давайте, давайте, за работу! Теперь вот что.

Он обвёл взглядом своих работников.

– Всем известно, что днище, борта, внутренние палубы, платформы и оконечности верхней палубы будут набираться по поперечной системе набора. А верхняя в средней части – по продольной. Вес каждой секции семьдесят пять тонн, таких секций двести. Нужно рассчитать три опытные секции, чтоб на них понять, как работать по сборке.

– Какие именно секции? – подал голос кто-то из конструкторов.

– Самые сложные, разумеется! Одну днищевую и две носовые бортовые. В синьках все три секции должны быть ну… дня через четыре.

– Что вы, Сергей Ильич!..

– Не «что мы», а вперёд, за дело! Это разве трудности? Это ещё только начало.

Октябрь 1956 года, Москва

Много лет Агаша жила в семье – Надиньке годик исполнился, как её, Агашу, из деревни в город привезли, с девочкой нянчится. Тогда, в тридцать седьмом, в деревне вовсе худо было, каждый день впроголодь, что летом, что осенью. Однажды на Святки отец с матерью уложили детей, сели рядом на лавку, сложили руки на коленях. Агаша не спала, всё видела.

«Ну что, мать, – сказал отец, не поворачиваясь, – до весны нам не сдюжить, чую».

«Стало быть, помрём, – помолчав, равнодушно ответила мать. – Знать, судьба наша такая. Мож, оно и лучше, чем так мыкаться, мучения принимать».

Братья и сёстры возились, от голодовки спали плохо, тревожно. За печкой шуршали тараканы. Отец с матерью сидели на лавке, глядели прямо перед собой. Метель тёрлась о стены избушки.

Агаша в темноте напряжённо кусала хвостик косы, изо всех сил придумывала, как спасти семью. И надумала!..

Утром, затемно, побежала в МТС. Там ещё не было никого, и она вся иззябла на ледяном ветру, до последней косточки продрогла. А потом подошли директор моторно-тракторной станции и тот инженер московский, что вместе с двумя тракторами приехал. Новые трактора в колхоз прислали, а инженер при них.

Агаша стала кидаться инженеру в ноги, умоляла забрать её в Москву, выла и тыкалась мокрым лицом в его белые богатые чёсанки. Директор насмерть перепугался, ну ещё бы!.. Колхозница, молодая передовая крестьянка белугой воет, просит от голода спасти, пропадаем, кричит!.. Если инженер куда следует сообщит, всем конец, и ему, директору, в первую очередь!..

Инженер стал неловко тянуть Агашу с земляного пола, зачем-то принялся отряхивать юбчонку и материн салопчик, который та утром подхватила. Вид у него был растерянный.

Но пообещал помочь.

Дома отец выпорол.

«Сдурела девка! – кричал он. Братья и сёстры попрятались за печкой и выли оттуда со страху. – Под монастырь нас подведёшь! Вона в теплушки загонят, да и в тайгу за такие твои дела! Мать пожалела бы! Как же, в город тебя заберут! В энкавэдэ заберут тебя, дуру проклятущую!»

Потом все боялись, что придут. А когда устали бояться, это уж недели через три после Нового года, инженер вдруг объявился – собственной персоной на полуторке с шофёром! Привёз какой-то «вызов», и по этому «вызову» председатель колхоза выдал Агаше паспорт.

Мать, бормоча молитвы, собрала ей узелок – ложку, кружку и полгорбушки хлеба. Провожать вышла вся деревня. Молчали, словно на похоронах.

Инженер подсадил Агашу в кабину, следом впрыгнул сам, полуторка зафырчала и тронулась, и Агаша от страха, переживаний и ещё от того, что в кабине было непривычно тепло, заснула и открыла глаза уже в Москве.

Полуторка катила по набережной. Агаше показалось, что вокруг всё сияет и переливается, так много было огней и разных лампочек!

В доме – громадном, как гора, – в квартире на четвёртом этаже их встретила миловидная молодая женщина с девчушкой на руках. У женщины была смешная причёска – косы уложены булочками над ушами.

«Меня зовут Любовь Петровна, – сказала женщина ангельским голосом. – А это наша Надинька. А вы Агаша?»

Так и осталась она в семье инженера Кольцова.

Сам, приезжая по вечерам со службы, отворял дверь, кидал на вешалку шляпу и провозглашал: «Девчонки, я приехал!» Агаша радовалась, что «девчонки» – это и она тоже.

В том самом тридцать седьмом в огромной коммунальной квартире по вечерам было тихо-тихо, словно никто не смел дышать. Все прислушивались, ждали. Вот поедет лифт, загремят замки, затопают ноги – за кем-то пришли, сейчас уведут.

Кольцовы тоже жили тихо-тихо, и Агаша с ними. Павел Егорович весь чёрный ходил, на ворона похожий.

К тридцать девятому немного задышали, а хозяин дачу получил – его директором завода поставили, значит, дача полагается! Агаша очень гордилась. Писала своим в деревню, что «кормилец наш Павел Егорович в добром здравии и при новой должности, это называется «на повышение пошёл», а мы все переезжаем на дачу, тут недалеко, возле реки. Можно поездом, а нас грузовая машина повезёт!». Братья и сёстры, которые никогда не видели поездов и очень редко грузовики, в ответных письмах изумлялись и требовали подробностей.

Так и зажили на даче – горя не знали!..

Любовь Петровна в свою больницу каждый день ездила, она детским доктором служила. Павел Егорович на завод. Шофёр их заберёт, а Надинька с Агашей целый день вдвоём, на воле, и так им хорошо!..

Читать Надинька быстро выучилась, годика в три, и вот пока Агаша по хозяйству управится, Надинька ей всё читает. Сначала сказки, потом былины, потом Пушкина!.. Агаша Пушкина так полюбила! Так полюбила!.. Потом у Любочки, у Любовь Петровны, спросила, нет ли книг про него самого, и та дала. Агаша прочла – и зашлась вся! Как же можно, чтоб с эдаким человеком, да так обходились скверно! То его царь сошлёт, то денег у него нет, то жена на гулянках да на танцульках с офицерами перемигивается! Вот если б Пушкин на Агаше женился, уж она бы его берегла как зеницу ока, жалела, любила, все желания исполняла!..

Как-то так, в мечтах о том, чтоб на ней женился Пушкин, кончилась её юность, и ей даже в голову не приходило, что можно выйти замуж за кого-то другого, не за Александра Сергеевича!..

Когда Надиньке исполнилось пять, стали учителя приходить – по русскому, по немецкому и по математике.

Агаша этого не одобряла – сломают ребёнку голову, заморочат совсем, она ж крошка ещё, пусть побегает пока!..

«Человек должен быть занят, Агаша, – отмахивалась Любочка, Любовь Петровна. – Иначе вырастет из него не человек, а редька! Это я тебе как детский врач говорю!»

Тот, который по математике, ещё приличный был, тихий такой старичок, ласковый. Когда Надинька правильно пример решит, так он зальётся смехом и по кудрям её погладит, похвалит. По русскому уж больно ледяная, как баба снежная, да и похожа! В пенсне, нос длиннющий, поясом перетянута туго-туго, воротнички и манжеты всегда белоснежные и накрахмалены так, что об стол стучат. А немку Агаша совсем терпеть не могла!.. Маленькая, востренькая, на крысу похожая! Немцы тогда уже к нашим границам подбирались, по радио говорили и в газетах писали.

Все ждали войны.

А началось она, проклятая, всё одно неожиданно.

Все растерялись. Даже Павел Егорович.

Потом получил военную форму – сразу генеральскую, тогда всех директоров оборонных заводов в одночасье генералами сделали – и стал в Казань собираться, в чистом поле новый завод поднимать, это называлось «эвакуация». И все друзья дома на войну поуходили – кто офицерами, кто рядовыми.

Ах, как Агаша помнит эти проводы!.. Накрывали стол, хотя той осенью в Москве уже ничего нельзя было достать. Паника началась, особенно страшно стало, когда Бадаевские склады разграбили и сожгли. Но что-то соображали в складчину. Павел Егорович вина привозил, иногда сала, а один лётчик из Батуми, друг молодости, как-то пакет винограду привёз. Любочка, Любовь Петровна, в тот раз в госпитале бутыль спирта получила. Так и провожали того лётчика – разведённым спиртом и виноградом.

А пели как!.. Любовь Петровна на гитаре хорошо умела, и Павел Егорович ей подтягивал, душевно выходило. Только женщины то и дело на крыльцо выбегали поплакать. Поплачут, поплачут, потом попудрятся и обратно к столу.

Многих так проводили.

А потом Павел Егорович распорядился в эвакуацию ехать. Вести с фронта доходили, что вот-вот сдадут Москву, не удержат. Любочка, Любовь Петровна, уже в армии была, её тоже по осени призвали в санитарный эшелон. Агаше с Надинькой выпало в Мордовию ехать, в Зубову Поляну.

Перед самым отъездом Агаше несказанно повезло – какие-то оголтелые мужики на станции с подводы продавали картошку и сахар. Сахар был в серых, донельзя набитых солдатских наволочках, а картошка в мешках. Агаша пробилась к самой подводе, отталкивая, отпихивая орущих людей, отчаянно продираясь, теряя галоши и пуговицы, работая локтями, – и урвала! Наволочку сахара и мешок картошки. Как она потом их до дома допёрла, сейчас уже не вспомнить, но ведь дотащила, не бросила! Мешки эти в эвакуации их с Надинькой очень выручили!

Павел Егорович тогда выбил место в литерном вагоне. Туда тоже полно народу набилось, но ночью можно было лечь, у Агаши с Надинькой своя полка была, и получилось кое-какие вещи с собой взять. Кто в теплушках ехал, те совсем без вещей оказались, а впереди зима!..

– Впереди зима, – вслух сказала Агаша.

– А правду говорят, что вы в зиму съедете? – тут же спросила покупательница. – Что дачу вашу того… экспроприируют?

– Так ведь она государственная, дача-то, – Агаша посмотрела на небо: вот-вот крупа пойдёт. – Мы её сдать обратно государству обязаны.

– Куда ж вы теперь?!

– Мы не бездомные, – с достоинством отвечала Агаша, сворачивая бостоновый костюм. – У Надиньки жилплощадь в Москве имеется. Две комнаты в коммунальной квартире.

– А сама-то где пристроишься, горемыка?..

Это был страшный вопрос.

– В деревню вернусь, – бухнула Агаша. – Там сестра осталась.

– А мать с отцом живы?

– Всех в войну поубивало. Братьев обоих и мамашу с папашей. А младшая наша от сыпняка умерла. Ну, пойду с богом. Уж Надинька скоро из города вернётся, да и темнеет.

– Ох, бросать ей надо институт этот! На службу поступать! Какая теперь учёба!

– Она сама разберётся. – Агаша подхватила узел. – Без нас с вами.

И зашагала по дороге.

Путь шёл сначала через поле, а потом вверх на горочку по просторной и звонкой берёзовой роще.

Осень стояла уже седая, серая. Листья почти облетели, в роще было видно далеко, и всё стволы, стволы, белые с чёрным. Небо набрякло и низко висело над холмом. Поднимался ветер, лужи морщились и шли мелкими волнами.

Агаше вспомнилось, как ездили на море – заранее шили сарафаны, покупали шляпы в магазине на улице Горького, собирали книжки и купальники и считали дни до отъезда, и праздник начинался уже в вагоне, а ехали они не как-нибудь, а в мягком! На юге всегда было по-особенному. Свободно, тепло, отдыхающие в светлых костюмах и лёгких платьях, акации в цвету. В парке обязательно оркестр играет!.. Надинька общительная, весёлая, сразу находила себе подружек, Агаша сидела под зонтом, приглядывала за ними, читала Пушкина и смотрела на море. Оно плескало у ног мелкими, частыми волнами, вот как сейчас дождевая лужа.

Агаша открыла калитку, пошла было по петляющей дорожке к дому, но остановилась и огляделась.

Вон беседка, вся увитая багряным и жёлтым плющом. Когда тепло становилось, в беседке и чаёвничали, и гостей принимали, и в лото играли. Вон две сосны, между ними всегда гамак натягивали. А вон песочница, роскошная, с деревянными бортами и домиком, это Павел Егорович для Надиньки соорудил ещё до войны. Песочницу берегли, из года в год поправляли, подкрашивали. Считалось, что в ней внуки будут возиться.

– Внуки, да не наши, – сказала Агаша, задрала голову и посмотрела на сосны, которые медленно качались в вышине.

Впрочем, тосковать да печалиться некогда.

Она вошла в дом, привычным движением скинула боты и платок, заботливо отряхнула с душегрейки водяную пыль, пристроила на вешалку и полюбовалась немного. Душегрейку Павел Егорович преподнёс ей в прошлом году на 8 Марта, Агаша её берегла – богатая, тёплая, вся расшитая сутажом!..

Первым делом растопила голландку в коридоре, одним боком выходившую в столовую, а другим в кабинет Павла Егоровича. Голландка была старинная, красивая, с мраморной фигурой в нише. Потом принялась за плиту на кухне. Плита, тоже царских времён, всегда капризничала, уговаривать её нужно было, чтоб разгорелась и не дымила! Агаша всегда уговаривала.

Когда плита взялась и затрещала даже, пожалуй, весело, Агаша отправилась в кладовку и оглядела полки.

…Почти и нет ничего. Гречки сколько-то, картошка, капусты два кочана. Постного масла бутыль. Ну, соленья-варенья не в счёт, их поберечь бы неплохо на зиму. А с другой стороны, Надинька вечно из института голодная приезжает, весь день не евши!.. Агаша набрала в миску картошки и решительно сняла с полки банку белых грибов.

Вот и ужин, прямо скажем, царский!..

Картошка была уже начищена, когда вдруг бешеными звонками междугородней зашёлся телефон в кабинете Павла Егоровича. Агаша помчалась, вытирая руки о фартук.

– Алё! Алё! Алё, кто говорит?

– Ленинград вызывает, ответьте Ленинграду, – металлическим голосом проговорила телефонистка.

Агаша опять изо всех сил закричала в трубку:

– Алё! Алё!..

– Агаша? – спросил чей-то голос совсем близко. – Вы меня слышите?

– Кто это?!

– Сергей, – сказал голос. – Сергей Гаранин. Надиньку позовите, пожалуйста.

Тут Агаша сообразила, кто это.

– Нет её, – сказала она с неудовольствием. – Не вернулась ещё.

Трубка помолчала.

– Жаль, – сказал голос. – Агаша, вы передайте ей, что я звонил. Только непременно!

– Передам, – пообещала та, точно зная, что передавать ничего не станет.

Она положила трубку, междугородняя прозвонила отбой. Агаша вернулась на кухню.

Звонивший числился Надинькиным «товарищем», по старинке это, стало быть, кавалер, но в доме никогда не бывал, на похороны Павла Егоровича не явился, и вообще то и дело где-то пропадал, Надинька уверяла, что в командировках. Павел Егорович в своё время грозился вывести «товарища» на чистую воду, Надинька на отца сердилась, и никак они не могли по этому вопросу договориться!..

Агаша была уверена, что настоящий кавалер с серьёзными намерениями никогда свою милую наедине с эдаким горем не покинет – сиротой ведь осталась девочка, а ей двадцать лет всего! Утешить её нужно, пожалеть, может, помочь как-то. А он, видите ли, такой занятой-деловой, даже на похоронах не был!.. Как теперь его отвадить, без Павла Егоровича-то? Вот задача.

На крыльце застучали каблуки, Агаша кинулась в прихожую, распахнула дверь.

Надинька, мокрая с головы до ног, вбежала в дом.

– Господи Иисусе, дождь разгулялся? А я и не слышу, у меня плита трещит!..

– Здравствуй, Агаша.

– Снимай, снимай туфли, и чулки снимай, мокрое всё! Платок-то давай, куда на полку суёшь, прежде просушить нужно! Точно теперь заболеешь.

– Я не заболею, Агаша.

Надинька положила на комод портфельчик, скинула макинтош, стянула туфли и чулки и пошла в комнату, оставляя за собой цепочку мокрых следов.

– Ступай в ванную, – приказала Агаша, следуя за ней с ворохом мокрой одежды в руках. – Я тебе сейчас горячую воду пущу.

– Подожди, Агаша. Что-то я устала.

– А ещё бы! Целый день не евши не пивши! Хоть бы бутерброд с собой взяла!..

Надинька улыбнулась.

– С чем? – спросила она. – С чем бутерброд, Агаш?

Но та не поддалась.

– Да вон с вареньем! У нас варенья полно!

Надинька села в кресло возле печки, натянула на застывшие мокрые ноги плед и закрыла глаза.

Агаша посмотрела на неё и вздохнула.

Девушка была хорошенькой и какой-то… воздушной, словно умела летать. Она выросла рыжеволосой, хотя маленькой была совсем беленькая, как одуванчик. Кожа бледная, как у всех рыжеволосых, на висках под лёгкими янтарными волосами просвечивали голубые жилки – нелегко ей дались последние месяцы, вон как исхудала! И пальчики тоненькие-тоненькие. Когда Надинька за рояль садилась, Агаша всегда изумлялась, как такие тоненькие пальчики могут играть такую… могучую музыку. Это Рахманинов, объясняла Надинька, но Агаша всё равно не понимала.

– Если не хочешь ванну, иди обедать, – приказала Агаша сердито. От жалости она всегда сердилась.

– Мне никто не звонил, Агаша?

– Никто нам не звонил, и ноги обуй, я тапочки вон поставила. На плите погрела.

– Ты вещи начала собирать?

– Начала, – помедлив, сказала Агаша. – Во втором этаже, считай, всё собрано. А за первый не принималась ещё.

Она вернулась на кухню, развесила мокрую одежду и помешала в сковородке картошку, которая пахла упоительно.

– Надинька, – из кухни громко сказала она, – ты бы попросила в институте-то своём, чтоб за нами полуторку прислали! Или к Павлу Егоровичу в завод позвонила! Мы не управимся.

– Я попрошу, Агаша. Почему же мне никто не звонил?..

– Потому что всем известно, что мы с дачи съезжаем!

– Да нет, я сказала, что пока можно звонить.

– Кому сказала-то?

– Серёже, – выговорила Надинька отчётливо. – А то ты не знаешь кому!

– Да шут с ним, с Серёжей твоим! Давай ужинать садись, остынет!..

Волоча за собой плед, Надинька стала подниматься по лестнице. Агаша сняла картошку с огня, прислушалась и покачала головой. В светёлки у девочки… теперь разор. Со стен всё снято, бельё и постельные принадлежности, кроме одной подушки и одеяла, увязаны в узлы, на кровати распахнутый чемодан, куда ещё только предстоит сложить одежду.

…Ох, грехи наши тяжкие…

Сверху не доносилось ни звука, а потом Надинька спустилась – в шерстяных носках и тёплом отцовском халате. Беленькая шейка жалобно выглядывала из широких стёганых отворотов синего бархата.

Надинька боком присела к столу, на своё место. У каждого в семье было своё место, и обе по привычке садились «правильно».

– Вот поедим, – Надинька отщипнула хлеба, макнула в соль и стала жевать, – и будем дальше собираться. Да, Агаша?..

– Да я без тебя соберусь, ты за уроки садись и спать, тебе вставать ни свет ни заря! Холодно в поезде-то?..

И в школу, и потом в институт Надиньку всегда возила машина Павла Егоровича, на поезде ей непривычно, да и обидеть могут, она вон какая… другая, приметная, словно девушка из трофейного фильма!..

– А я городскую квартиру совсем не помню, – призналась Надинька и ещё отломила хлеба. – Ты помнишь?..

Агаша поставила перед ней тарелку жареной картошки и – отдельно – маринованных белых грибов с луком и маслом.

– Так я днями была на квартире-то, Надинька, – напомнила она, пристраиваясь на «своё» место. – Всё там по-прежнему, как было, так и осталось. Я дворничиху попросила, она мне поможет окна и полы перемыть. Ничего, ничего.

– Я на вечерний переведусь, – сказала Надинька. Она ела бесшумно и жадно, как голодная кошка. – Работать пойду. Получку буду приносить. Ты меня только не бросай, Агаша.

– Что это ты удумала? Работать и я могу, мне всего сорок лет! Тебе учиться мама с папой велели, так и учись! А я в людях всегда заработок найду, стирка-уборка всем нужны.

– Нет, Агаша, – твёрдо сказала Надинька. – Я тоже должна работать.

– Институт – вот твоя работа!

– А сколько там народу, в нашей квартире?

Агаша вздохнула.

– Кроме нас, три семьи всего. Один военный с железной дороги, с женой и мамашей, ну, детишек трое. Потом евреи, она полная такая, приветливая, в музыкальной школе, а он бухгалтером где-то на Симоновке, в автозаводе, что ли, и мальчонка ихний. Инвалид безногий, до войны плотником был, а как ноги оторвало, в артели рукавицы шьёт. Ну, выпивает маленько, конечно, шумит, жену гоняет. Да ты не страшись, Надинька, освоимся. Всё ж не война, слава те господи.

– Да, да, – быстро сказала девушка. – Не война.

…Почему же всё-таки не позвонил Серёжа? Должен был звонить и вот… не позвонил. Как бы ей хотелось, чтоб он оказался рядом! Посмотрел в глаза, взял за руку, выслушал. Ах, как ей нужно, чтобы Серёжа её выслушал!..

Такая беда у неё случилась. Как дальше жить? Как справляться?

Хорошо, Агаша рядом, а вдруг с той тоже что-нибудь приключится и Надинька останется совсем-совсем одна?..

Глаза у девушки налились слезами, она шмыгнула носом и отвернулась, чтоб Агаша не заметила, но та увидела, конечно.

– Ты поплачь, – сказала тихо. – Слёзы душу омывают. А ты даже на похоронах не заплакала, всё себя держала!

– Если я заплачу, то, наверное, умру, Агаша.

– Будет глупости болтать!

– И мама, – словно про себя продолжала девушка. – Зачем она умерла? Она же вернулась живой! Я так помню, как она вернулась, Агаша!

– Да как же тебе не помнить, ты уж большая была, восемь лет.

– Мы всё на станцию бегали встречать! А она никак не приезжала! А потом вдруг калитка открылась, и она по дорожке идёт!

– Ты её за почтальоншу приняла, – подхватила Агаша, – потому что в форме она была! А ты и не признала!..

– А как я к ней на руки залезла и не хотела слезать? Как ты её в ванной мыла, ещё мыло такое вонючее невозможно!

– Дегтярное, – вставила Агаша. – От вшей.

– А мне так нравилось, как она пахнет, мама!.. Я потом с ней всё время спала, а ты меня прогоняла.

– Да как же тебя было не гонять, если ты уж совсем большая, а Любочке отдохнуть надо было!

– Агаша, зачем она умерла?

Няня украдкой взглянула на воспитанницу – опять ни единой слезинки, только на щеках два красных пятна, как от лихорадки.

– Да ведь человек не сам решает, когда ему жить, а когда помереть. – Агаша ладонью смела со стола хлебные крошки. – Заболела она, а сил-то и нету, все на войне порастратила.

Любочка, Любовь Петровна, вернулась в сентябре сорок четвёртого и прожила всего до Нового года. А потом продрогла где-то, воспаление лёгких, за неделю сгорела, хотя Павел Егорович как-то умудрился пенициллин достать, на самолёте из Казани примчался.

Только попрощаться им не довелось. Любочка в себя так и не пришла.

Остались они тогда втроём. Надинька горе быстро и приняла, и пережила – детское горе лёгкое, короткое. А Павел Егорович в одночасье постарел, сгорбился, весь словно осел и заледенел. Может, тогда сердце у него и надорвалось…

Но всё-таки, приезжая на дачу, открывал дверь и первым делом возвещал: «Девчонки, я приехал!»

Агаша утёрла глаза – она бесслёзно печалиться не умела, да и горе уж больно велико. Как его поднять, как теперь нести?..

– Поставлю-ка я чаю, Агаша, – Надинька поднялась и подхватила пустые тарелки. – Между прочим, у меня в портфеле две сушки! – прокричала она из кухни. – С маком! Нина угостила, а я забыла съесть!

Ничего она не забыла, конечно, а приберегла, чтобы разделить с Агашей.

– А рояль? – продолжала Надинька, точно зная, что Агаша стоит у неё за спиной. – Куда мы его поставим в квартире?..

– Да уж поставим, – пробормотала Агаша. – Отойди, я сама тарелки ополосну. Ручки побереги!

– Нет, Агаша, мы с тобой теперь наравне должны вести хозяйство.

– Чего удумала?! Хозяйство вести! Без тебя управлюсь! Ступай, ступай!..

Надинька повернулась, обняла Агашу, прижалась горячим, худеньким лицом к плечу.

Агаша проглотила моментально набежавшие слёзы, похлопала девочку по спине, поцеловала в рыжую макушку.

– Ничего, ничего. Проживём с Божьей помощью.

Надинька оторвалась от неё и стремительно вышла из кухни. Через секунду зазвучал рояль – сразу грозно, мятежно, – и также неожиданно умолк.

– Агаша, – издалека громко спросила Надинька. – А он есть?

– Кто?

– Бог.

Агаша достала из буфета чашки и сахарницу, непривычно лёгкую. Заглянула – почти пусто.

– По-нынешнему выходит, что нет.

– А по-твоему – есть?

– Ох, не знаю я, Надинька.

– Если он есть, почему война такая страшная была? Почему людей в печах жгли? И в газовых камерах душили? Почему мама умерла, и папа тоже?..

Агаша не знала, что отвечать, и сказала:

– Стало быть, за грехи наши…

– У мамы не было никаких грехов! – выкрикнула Надинька и опять заиграла.

Агаша принесла из кухни чайник, уселась на своё место, сильно выпрямилась и стала слушать.

Рояль гремел.

Надинька неожиданно оборвала музыку и бесшумно опустила крышку рояля. Ссутулила плечи и сунула руки в карманы отцовского халата.

Так они сидели в полной тишине – Агаша у стола, девочка рядом с инструментом.

– Ты бога нянькой не назначай, – вымолвила наконец Агаша. – Он отец наш, а смотреть за собой люди сами должны. Что же делать, коли против воли отца чада поднимаются? Чадам несладко, а отцу-то каково?..

– Ты странно рассуждаешь, Агаша. По-деревенски.

– А это, как говорится, чем богаты! Чай иди пить, остыл уж.

Надинька сушку сгрызла моментально, а Агаша к своей даже не притронулась, приберегла для девочки, и чай пила не внакладку, как привыкла за послевоенные годы, а вприкуску, из экономии.

Вдруг по зашторенным окнам прошёлся свет автомобильных фар, зафырчал мотор, просигналил гудок.

Надинька вскочила – всё было так, словно запоздавший отец вернулся с работы! Сейчас зазвучат на крыльце шаги и знакомый голос провозгласит: «Девчонки, я приехал!»

Надинька бросилась в прихожую и распахнула дверь, в которую уже стучали.

…Конечно же, отец не приехал. Он теперь никогда не приедет. На крыльце стояла незнакомая дама в ватерпруфе и накинутом капюшоне, у неё за спиной человек в кепочке. Он держал над собой зонт, с которого лило и брызгало во все стороны.

– Добрый вечер, – поздоровалась дама. – Разрешите войти? Пётр Силыч, жди.

Надинька посторонилась.

Дама цепким взглядом прошлась по стенам, задержалась на зеркале, подошла и стала перед ним снимать насквозь мокрый ватерпруф.

Разоблачившись, она, не глядя, протянула одежду Агаше:

– Прими.

Агаша приняла.

Дама поправила затейливую причёску, покачала головой, как видно, недовольная тем, что валик примялся под капюшоном, и повернулась к Надиньке.

– Должно быть, вы Надежда Павловна Кольцова. А я Руфина Терентьевна, супруга генерала Гицко. Мы въезжаем в эту дачу, я решила прежде посмотреть.

Она говорила подчёркнуто любезно и отчётливо, словно сомневалась, что Надинька и Агаша её понимают.

– Пётр Силыч, наш шофёр, привёз кое-какие вещи, мне бы хотелось их разместить. В городе от них тесно.

Надинька стояла как громом поражённая. До сих пор все разговоры об отъезде и даже сборы были частью какой-то… воображаемой жизни, ненастоящей. Генеральша Руфина Терентьевна была совершенно настоящей! Её лаковые резиновые боты по-настоящему блестели, сильно накрашенные губы выговаривали настоящие слова, и дом теперь по-настоящему принадлежит ей, а вовсе не Надиньке с Агашей.

– Ну-с, проводите меня, – распорядилась генеральша по-настоящему. – А ты… как тебя?.. помоги Петру Силычу с вещами.

Она зашла в столовую, окинула взором лампу над круглым столом, старинный ореховый буфет, диван, довольно потёртый, и усмехнулась.

– Когда намереваетесь освободить?

– Мы ещё не все вещи собрали, – пробормотала Надинька.

– Нужно поторопиться, милая. Мы, конечно, зиму в городе проживём, но здесь устраиваться нужно! А это целое дело! Мой супруг-генерал не может жить в эдакой эволюции!

Надинька посмотрела на генеральшу. Та продолжала как ни в чём не бывало:

– Он правительственное задание выполняет. Партия приказала самый новейший ледокол построить, чтоб такого даже в Америке и близко не было. С утра до ночи на службе, отдыхать должен, как полагается. Из пристроек что имеется?

– Гараж, – вместо Надиньки ответила вернувшаяся с корзинами и узлом Агаша. – Сарайка с той стороны, почти у леса. Мы там всякий садовый инструмент держим. Ну, и дровник под крышей, как без него.

– А водопровод? Канализация?

– Всё есть, как не быть. Воду колонка греет, уголь отдельно привозят.

– А телефон?

– В кабинете.

Новая хозяйка обошла весь дом, заглянула во все углы и щели. За ней ходила Агаша. Надинька ушла в тёмный отцовский кабинет, села на пол у печки и стала грызть ноготь, пристально глядя на телефон.

…Серёжа, милый, позвони мне сейчас! Мне так страшно, и я совсем одна!.. Нет, я комсомолка и не имею права страдать из-за того, что в мой дом пришли посторонние люди! Подумаешь, дом! Материальные ценности, мещанство! Но я ничего не могу с собой поделать, мне страшно! Папа, папочка, зачем ты так поступил со мной? Почему ты меня оставил? Агаша говорит: бог всем людям отец, но у меня-то больше нет отца. И Серёжа ни разу не приехал – и в больнице, и на похоронах я должна была справляться своими силами! Тогда я справилась, а сейчас не знаю, смогу ли…

– А где же Надежда Павловна? – послышалось из прихожей. – Нам ехать пора, здесь неблизко. Сто раз я супругу говорила, чтоб соглашался дачу брать не дальше Кунцева! А ему вечно всучат какой-нибудь неликвид! Впрочем, дом ухоженный.

– И на том спасибо, – отвечала Агаша. – До свидания, будьте здоровы.

– А хозяйка твоя? Не выйдет?

– Да уж не станем её тревожить, – твёрдо сказала Агаша. – Только-только отца схоронила, и матери нет. Нелегко ей.

– Я смотрю, ты преданная! Хочешь, работай у меня. Будешь здесь жить, за домом смотреть. Чистенько у тебя, прибрано.

– Покорно благодарим, – помолчав, с достоинством проговорила Агаша. – Мы при Надежде Павловне останемся.

– Ну, как знаешь.

Прозвучали шаги, хлопнули двери автомобиля, по портьерам прошёлся свет фар – уехали.

– Ну, что ты там? – спросила Агаша, появляясь на пороге кабинета. – Опять в темноте сидишь?.. Давай-ка чаю ещё раз попьём да варенье достанем. У меня абрикосовое припрятано, с косточкой, как ты любишь.

– Агаша, почему Сергей не позвонил?

Агаша сердито вздохнула:

– Дался тебе Сергей этот! Павел Егорович его терпеть не мог!

– Папа его не знал! А он хороший! Первым студентом на нашей кафедре был, а потом лучшим аспирантом! С ним сам профессор Кулагин советовался!

– Может, он и умный, я того не ведаю, а вот человек точно плоховатый.

– С чего ты взяла?

– С того, что ты тут на полу сидишь, из дома тебя гонят, а он где? Ищи-свищи его!

– Он на ответственной работе! – почти закричала Надинька. – Я знаю, он мне говорил!

– Пойдем, – повторила Агаша устало. – Нам собираться надо. Время вышло.

Декабрь, 1956 год

Все, кто бежал на смену, разбирали из ящика заводскую многотиражку, читали на ходу.

«Освоили резку толщи стальной,

Изобрели автомат,

Инженер и рабочий – каждый герой,

Пытливому нет преград!»

– Борь, Борь, взгляни, это же про тебя написано! И про Лёшку Макарова!..

– Где? Где про Борю?.. Покажи, Катя!

Молодой инженер Борис Смирнов готов был сквозь землю провалиться, горел со стыда. Зачем он только пошёл сегодня на работу вместе со всеми общежитскими? Как будто не мог обождать немного, тем более яичница опять вся сгорела!

Хотя кто ж знал, что именно сегодня, как на грех, выйдет эта самая многотиражка!..

Борис сунул газету в карман тулупчика и повернул от проходной направо, чтоб не идти по главному заводскому проспекту вместе со всеми. Здесь, за старыми корпусами и пакгаузами, было почти темно – фонари стояли редко и горели слабо, – и ветер, ледяной ленинградский ветер сразу ударил в лицо, словно караулил за углом.

Борис, родившийся и выросший в Харькове, никак не мог взять в толк, почему в Ленинграде ветер всё время в лицо!.. Идёшь в одну сторону – в лицо!

Поворачиваешь обратно – опять в лицо! Оттого все ленинградцы и ходят ссутулившись и засунув носы чуть не в подмышки! И темно с утра до ночи!

Борис споткнулся о рельс, упал на колени и зашипел от боли. Слёзы выступили на глаза.

…Хорошо на митинге говорить – вперёд, даёшь, не посрамим, навалимся на трудности, сдадим в срок!..

А как на самом деле сдюжить, если ничего не получается?! Ну, не получается ничего! Технологий нету, электроприхватчиков нету, сварочных аппаратов нету, да и сталь такой толщины никто не знает, как варить! КБ завалено заказами, и всё скорей, скорей, быстрей, быстрей! Никто после смены не расходится, все до ночи за чертежами и расчётами сидят. А ночью в общежитии холодно, матрас, одеяло, всё сырое, поесть нечего – заводская столовка по ночам не работает, а в город в очереди идти, где там!

Борис поднялся, отряхнул колени и, прихрамывая, заковылял дальше.

…Или вот взять тот самый аппарат!

Сергей Ильич тогда схему кинул и сказал – разбирайтесь и работайте! А как работать, как?! В институте новые аппараты не учили изобретать, да и старых никто из выпускников кораблестроительного в глаза не видел! Сидели они тогда с Макаровым, сидели, и ничего не высидели! Сергей Ильич такую выволочку устроил, вспомнить страшно. Макарову что? Макаров Сергею Ильичу не подчиняется, а Боря решил уходить с завода.

Ну, как остаться после публичной порки?

Сергей Ильич даже слушать ничего не стал, когда Боря попытался оправдаться. За пятнадцать минут он доделал свою же схему, хмуро велел Боре вычертить ее и отдать разработчикам.

Боря вычертил и отдал.

Потом оказалось, что создан какой-то доселе невиданный газофлюсовый резак, который теперь пойдёт в эксплуатацию на все судостроительные заводы, а Борису Смирнову и Алексею Макарову за изобретение полагается премия. Явился корреспондент из многотиражки – очень симпатичная девчонка, между прочим, – и готово дело!

…Вот она, статья!

В статье расхваливают его, Бориса! Пишут, как он по-новому, по-коммунистически работает. А он не работает по-коммунистически, а только и думает, как дезертировать с трудового фронта!

Хорошо Сергею Ильичу – у него всё получается, не голова, а Дом Советов, как говорится. За что ни возьмётся, раз-раз и придумает. А остальным, таким, как Боря, что делать?..

Вот что. Нужно добиться, чтоб в многотиражке написали опровержение! Борис Смирнов никакого резака не изобретал, а изобрёл его начальник конструкторского бюро! Так по крайней мере честно.

Очень вдохновлённый мыслью про свою честность, Борис взбежал по чугунной лестнице на второй этаж. В КБ вовсю кипела работа – горели все лампы, слоями висел сизый папиросный дым, играло радио, словно никто на ночь и не уходил!

– Сергей Ильич, мне нужно с вами поговорить.

– Что ты, Боря? – Начальник собирал в тубус какие-то очередные «синьки». Он был в глухом синем свитере, надетом под пиджак, в белых бурках, на голове – овчинный треух, хотя в помещении не продохнуть от дыма, да и отопление жарило на полную.

– Мне правда нужно, – повторил Борис, глядя в пол.

– Я сейчас не могу говорить, Боря. Главный инженер всех собирает. Потом, потом.

– Сергей Ильич, я так не могу! Я, наверное, не гожусь для такой работы! Аппарат вы придумали, а написали, что я! А это не я! У меня не получается ничего! Я даже не могу…

– Боря, – перебил его Сергей Ильич, – ни у кого не получается сразу. И я тоже не могу! Но… могу! Подай мне вон ту папку! Ну, с завязками! Так. И пока мы будем совещаться, попробуй прикинуть, можно ли нержавейку варить автоматами, а не вручную.

Боря словно остолбенел. Как?! Опять задание?! Он же ещё ни с одним не справился! А с резаком так позорно провалился!

– У автоматов режима нету, чтоб нержавейку варить, – пробормотал он первое, что пришло в голову.

– Так вот я тебя и прошу прикинуть, как с этим быть, – сказал Сергей Ильич с досадой. Папка выпала у него из-под мышки, Борис поднял. – Ты головой пошурупь немного, Боря! Давай, давай, брат, некогда мне!..

По дороге к главному инженеру Сергей Ильич старался думать не о работе, а о Москве, чтоб немного просветлело в голове.

Но не светлело. Кажется, температура поднимается – знобит так, что аж зубы стучат. Да и московские его дела не решены, и совсем непонятно, как именно их решать, и вряд ли они проще, чем все сегодняшние заводские проблемы. Хорошо бы вырваться хоть денька на два, но где там!.. Кто его отпустит? Да он и сам ни за что не уедет в такое горячее время.

Сергей Ильич усмехнулся, задрал на лбу треух – при мысли о «горячем времени» ему вдруг стало невыносимо жарко.

Как там в песне поётся? «Прежде думай о Родине, а потом о себе», так, кажется?..

Начальник КБ думал не столько о Родине, сколько о ледоколе.

В эту минуту, когда его никто не мог видеть, Сергей Ильич готов был признаться себе, что постройка атомной махины, за которую взялись с таким энтузиазмом, – дело не то что сложное, а почти невыполнимое.

Взять хотя бы подъёмные краны!..

У всех заводских кранов грузоподъёмность шесть тонн, а стальные листы, из которых будут собираться секции, – по семь тонн каждый. И что делать? Устанавливать более мощные краны? На это уйдёт уйма времени, тонны бумаги, семь кругов бюрократического ада нужно преодолеть! Передать обработку крупногабаритных листовых деталей на другой завод? А как же честь адмиралтейцев, которым доверено такое важное дело? А как же трата государственных средств?! Ведь придётся возить металл и шаблоны сначала в одну сторону, а потом обратно на адмиралтейскую верфь! Это же какие деньги!

А страна только-только после войны отстроилась…

На каждом шагу – загвоздка. Никто в мире никогда не строил подобного корабля, и спросить не у кого, и поучиться негде. Приходится на ходу придумывать, за всё отвечать, брать на себя ответственность не только за своих ребят из КБ, но и за производство, а это ох как непросто…

Сергей Ильич вошёл к главному инженеру, когда уже все собрались и что-то бурно обсуждали – в кабинете пластами висел папиросный дым, от которого жёлтый свет лампочек казался синим, тулупы и полушубки горой возвышались на стульях, выставленных вдоль стены, на чёрной школьной доске начеркано мелом. Главный инженер, зайдя однажды в КБ, увидел такую доску у Сергея Ильича и приказал в свой кабинет тоже поставить.

– Опаздываешь, Сергей Ильич, – оглянувшись, сказал главный инженер с неудовольствием. – Давай, давай подключайся.

Сергей Ильич кинул свой полушубок сверху, отчего вся гора одежды покачнулась и медленно и бесшумно сползла на пол. Никто не обратил

внимания.

– Вот так-то, товарищи, – главный технолог расстегнул пуговицу на пиджаке, сильно вздохнул и застегнул опять. – Это на сегодняшний день первоочередная задача. Как решить, пока не знаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tatyana-ustinova/devchonki-ya-priehal

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить